

DOI: 10.15393/j9.art.2019.6221

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Юрий Владимирович Розанов

(Вологда, Российская Федерация)

rosanov007@gmail.com

В. В. Хлебников и А. М. Ремизов: биографические и творческие связи

Аннотация. В статье рассматриваются личные и творческие отношения и взаимные оценки А. М. Ремизова (1877–1957) и В. В. Хлебникова (1885–1922), преимущественно со стороны старшего писателя. Ремизов стал первым писателем-символистом, с которым Хлебников познакомился в 1908 г. после приезда в Петербург. В плане личных отношений приводится и интерпретируется ряд фактов, свидетельствующих о тесных связях писателей в период с осени 1908 по январь 1910 г., когда Хлебников воспринимал Ремизова как старшего друга и учителя. Наиболее ярко это проявилось в позиции Хлебникова в так называемом «деле о плагиате Ремизова», когда поэт готов был вызвать обидчика друга на поединок. Но более всего сближению писателей способствовал общий интерес к восточнославянской мифологии и архаическим пластам русского языка. Переход Хлебникова в лагерь футуристов и его агрессивная риторика в адрес символистов вызвали размолвку с Ремизовым, которая, однако, не затронула их общих творческих установок на поиски «русского стиля». В годы эмиграции интерес Ремизова к личности и творчеству Хлебникова, отразившийся в мемуарах писателя, во многом поддерживался филологами и литераторами русского зарубежья — Д. П. Святополк-Мирским и, особенно, В. Ф. Марковым, работавшим над историей русского литературного авангарда. В заключительной части статьи делаются предварительные выводы об общей *учительской* роли Ремизова и Хлебникова в литературном процессе («писатели для писателей») и принадлежности обоих к «патриотическому движению» в литературе русского модернизма первой трети XX в.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, В. В. Хлебников, символизм, футуризм, искусство авангарда, «русский стиль», неославянофильство, литературные влияния, восточнославянская мифология и фольклор, «писатель для писателей»

Об авторе: *Розанов Юрий Владимирович* — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, 15)

Дата поступления: 20.04.2019

Дата публикации: 09.09.2019

Для цитирования: Розанов Ю. В. В. В. Хлебников и А. М. Ремизов: биографические и творческие связи // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 3. — С. 258–279. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6221

Тридцать лет назад историк литературы и собиратель архива русского авангарда Н. И. Харджиев отмечал, что «связь раннего Хлебникова с архаическим крылом символизма еще не вполне изучена» [Харджиев, 1997: 103]. На сегодняшний день существует несколько работ о личных и творческих контактах «великого будетлянина» с А. М. Ремизовым, наиболее ярким выразителем модернистской архаики в литературе начала XX в. (см.: [Баран, 1993: 191–207], [Гурьянова: 142–150], [Данилевский: 385–390], [Обатнина: 166–168]), но тема все еще остается «не вполне» исследованной даже на биографическом уровне.

Знакомство супругов Ремизовых с отцом-основателем отечественного футуризма художником и поэтом Д. Д. Бурлюком и его родными, состоявшееся в Херсоне в ноябре 1903 г., вполне можно назвать «семейным». В книге «Кукха. Розановы письма» (1923) Ремизов писал:

«Серафима Павловна <Ремизова> всегда считалась “ученицей” Д. Д. Бурлюка.

С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и с Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С. П. <Серафимы Павловны> многолетняя дружба»¹.

Впрочем, связь своих графических работ и «картин» с живописью русского футуризма Ремизов мягко отрицает:

«Я же как-то не подходил ни к кому и рисовал под всех и одно время, в шутку, конечно, называл себя учеником Судейкина» (Ремизов 89).

Гостила Серафима Павловна в 1908 г. по приглашению подруги и в легендарной Чернянке Херсонской губернии у старших Бурлюков. В комментарии к дневниковым записям жены Ремизов пишет: «С. П. <Серафима Павловна> жила у Бурлюков. Д<авид> Ф<едорович> Бурлюк был управляющим имением Мордвиновых. Какие яблоки!» [На вечерней заре: 493–494]. Топос Чернянки в позднейших самоописаниях футуристов оценивался высоко:

«Осмысливая задним числом, — писал Б. Лившиц, — Чернянка оказывается точкой пересечения координат, породивших

то течение в русской поэзии и живописи, которое вошло в их историю под именем футуризма»².

Если художнические порывы Серафимы Павловны не имели продолжения, то рисунки самого Ремизова уже в те годы получили определенную известность. В марте 1910 г. Ремизов участвует в новаторской художественной выставке, вошедшей в историю под точным названием «Треугольник». Поначалу даже в символистских кругах проект воспринимался с известным скепсисом. 12 марта 1910 г. поэт-символист Виктор Гофман писал московскому историку и литературоведу А. А. Шемшурину:

«У нас опять появились Бурлюки. Устраивают какой-то “Треугольник”, выставку рисунков современных русских писателей и еще какую-то чепуху. Сейчас был у них на собрании»³.

Официально петербургская выставка называлась «Треугольник — Венок — Стефанос», что указывало на организаторов: группу «Треугольник» Н. И. Кульбина и группу «Венок — Стефанос» Д. Бурлюка. Третьим организатором выступила редакция «Сатирикона». В отделе рисунков и автографов русских писателей, преимущественно классиков и символистов, были представлены образцы ремизовской каллиграфии: русский авангард с большим вниманием относился к визуальным образам текстов художников слова. В этом же отделе «Треугольника» экспонировались рукопись и рисунок В. Хлебникова. Сама идея писательского отдела, как и приглашение Ремизова, вероятно, принадлежали Д. Бурлюку, который, по свидетельству Б. Лившица, «носился с мыслью об устройстве выставки картин писателей и в Москве уже заручился значительным количеством экспонатов»⁴.

Ремизов стал первым писателем-символистом, с которым Хлебников познакомился осенью 1908 г., вскоре после приезда в Петербург (ранее у начинающего поэта произошло беглое знакомство лишь с Вяч. Ивановым во время летнего отдыха в Судаче). Об этом Ремизов говорил совершенно определенно: «Хлебникова знаю. С первого года в Петербурге он часто бывал у нас»⁵. Известно и впечатление Ремизова от встречи с поэтом: «Хлебников при первом свидании мне показался прописной

узорной буквой»⁶. Палеографическая аналогия, использованная писателем, серьезно занимавшимся старинной каллиграфией, обозначает, с одной стороны, высшую степень оценки, а с другой — отсылает читателя к «хлебниковскому мифу», т. е. к представлениям о Хлебникове как об органе (организме) по созданию стихов и, соответственно, не способном ни к какой другой форме человеческой деятельности. Семантическое поле сравнения поэта с буквой расширится, если мы вспомним высказывания лингвистов, его современников, о том, что Хлебников творил такой язык, «в котором звук сам по себе, буква сама по себе несла бы всю полноту смысла» [Винокур: 208].

Сближению писателей способствовал общий интерес к восточнославянской мифологии и фольклору. Во второй половине 1900-х гг. в России в связи с известными политическими событиями (аннексия Австрией Боснии и Герцеговины) ожидалось внимание к «славянскому вопросу» во всех его аспектах, а Ремизов был признанным лидером в разработке этих тем, причем в модернистском ключе. Его «Посолонь», «Лимонарь», «Бесовское действо» показывали новые возможности использования славянской архаики, несколько скомпрометированной в официозном «русском стиле». По наблюдению В. Н. Топорова, такие тексты раннего Хлебникова, как «*Девий бог или Нега-неголь*», обнаруживают следы влияний и внешних импульсов ряда «неомифологических» книг символистов, прежде всего *Посолони* и *Лимонаря*» [Топоров: 30]. В этом смысле Ремизов был, безусловно, интересен и авторитетен для Хлебникова. «Что говорит Ремизов о моей “Снежимочке”?» — спрашивал он своего друга В. В. Каменского⁷, который также относился к ремизовским фольклорно-мифологическим работкам с большим уважением.

Ремизова же в Хлебникове привлекало совсем иное. В мемуарной книге «Кукха» он перечисляет писателей, постоянно бывавших у него в доме в Малом Казачьем переулке. После имени Хлебникова стоит важное уточнение: «с которым слова разбирали» (Ремизов 74). Это же выражение, делая акцент на слове «разбирали», вспоминал и их общий знакомый, художник и писатель Ю. П. Анненков:

«Ремизов любил встречаться с Велимиром Хлебниковым, филологическим изобретателем.

— Разговаривая с Хлебниковым, — объяснял Ремизов, — мы разбираем слова»⁸.

Р. В. Иванову-Разумнику запомнилось, как Ремизов «внимательно, с карандашиком, читал хлебниковское *Любхо* — четыре страницы “словоновшеств” на корень “люб”, помещенное в “гилейском” сборнике *Дохлая Луна*»⁹. Несколько подробнее, вспоминая Хлебникова, Ремизов объясняет словесную работу юного поэта и свою заинтересованность в ней в письме жене от 24 мая 1909 г.:

«...пришел, помнишь, такой студент робкий — Виктор Хлебников, говорили о словах. Он не то, что подкапывается под корень, а хочет вытащить и пересадить. Эта словесность мне по душе: тут слово в его существе “бескорыстное”, “само-в-себе”, а не то, чтоб прикрывать собою пустые призраки»¹⁰.

Не столь большое преувеличение наставнической миссии «будетлянина» содержится в словах Д. Д. Бурлюка, утверждавшего в 1933 г. в неопубликованном письме в «Литературную газету», что «у Хлебникова учились и “старики”»: Вячеслав Иванов, Алексей Ремизов, Андрей Белый» (цит. по: [Харджиев, 2006: 374]). К перечню имен можно с уверенностью добавить и Михаила Кузмина.

О степени близости Хлебникова к Ремизову в 1908–1910 гг. свидетельствует несколько фактов разного уровня и значения, которые в своей совокупности рисуют достаточно определенную картину. В феврале 1910 г. Хлебников просит старшую сестру прислать ему две куклы в «южном» костюме: «...кому-нибудь подарю, Ремизову, например, а другую оставлю у себя»¹¹. Знакомые писателя знали о собирательской страсти Ремизова и способствовали пополнению его коллекции. В «Описи зверюшек и чудищ Музея А. М. Ремизова», которую писатель составил перед передачей своего собрания игрушек в музей Пушкинского дома, отмечено несколько кукол в женском платье, в том числе «куколка в татарской одежде, две косы, малиновая шелковая кофточка» [Грачева: 199]. Обратим внимание на «парность» хлебниковского подарка (просьба к сестре

прислать две куклы), что соответствует восходящей к античности романтической традиции, которая культивировалась модернистами Серебряного века. В Древней Греции существовал обычай: друзья, перед продолжительной или «вечной» разлукой брали себе парные предметы или разламывали какой-то один предмет (напр., навощенную дощечку), по которым по прошествии многих лет они или их потомки узнавали друг друга¹². При прощании Ремизова с Андреем Белым, возвращавшимся из эмиграции в Советскую Россию, был символически разъединен кожаный портсигар и каждый из писателей на память о друге взял свою половинку¹³. Для символистов ритуал имел еще и корпоративное значение, что связано с этимологией греческого слова «символ» — «всякий вещественный знак, имевший *условное тайное* значение для известной группы лиц»¹⁴. Для Хлебникова, не особенно склонного как к сильным личным привязанностям, так и к символистской мистике, более актуальным был другой смысл подарка старшему писателю, с которым «слова разбирали». Мы имеем в виду хлебниковское понимание языка как игры в куклы. В этой игре, писал Хлебников в программной статье «Наша основа», «из тряпочек звука шиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке, — участники этой игры. <...> Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек» (Хлебников т. 5; 234).

В 1996 г. ветеран американского хлебниковедения Х. Баран опубликовал записи Хлебникова на двух листах отрывного календаря на 1909 г., хранящиеся в фонде поэта в Российской национальной библиотеке, и свой комментарий к ним [Баран, 1996: 7–10]. Приведем текст в расшифровке публикатора:

«Герб “Задора” / дочь Яна / за трокско<го> воеводу Гастольда. / а у Гастольда Станислав / Мартын Довгалл<ис> / Гедройц / Мстислав Удалой / Редедя / Довгайло / Доггелло / Долгорукий / Бархатная книга Гнесецкого. / Староста Виленских замков / держал стор<ону> Ягайла с Кейстутом / в Вильне соорудил костел св. Михаила или Николы / Битва под Великомиром. / 1386 в Кракове крестился / Война Сигизмунда против Свидригайла / хорунжий Ян получил Довгаллесь — могучий / сын Яуна трокского воеводы» [Баран, 1996: 8].

Исследователь, отталкиваясь от словосочетания «бархатная книга», идентифицирует этот текст как «выписки» и «цитаты» из польско-литовской родословной книги, аналогичной «Бархатной книге дворянских родов России». «Вполне вероятно, — предполагает Х. Баран, — что он <Хлебников> воспринял эту родовую хронику как некую модель истории многонациональной Российской империи, к литературной обработке которой он впоследствии призвал в заметке “О расширении пределов русской словесности” (газета “Славянин”, 1913 г.)» [Баран, 1993: 10]. Существует более простое объяснение данного «исторического экскурса», свидетельствующее о близости Хлебникова к семье Ремизовых. Жена писателя — Серафима Павловна — принадлежала к древнему польско-литовскому роду Довгелло. Истории и предания рода стали частью семейного фольклора Ремизовых. Для сравнения приведем начало главы «Задора» из романа Ремизова «В розовом блеске», написанного много позднее (опубл. 1953 г.) на основе воспоминаний Серафимы Павловны:

«По отцу “Оля” — Серафима Павловна с Литвы, Довгелло. Герб Задора: “голова львова, сера космата с огненной пастью в поле блакитном”.

Трокский воевода, староста Виленских замков, Явнулло <...> крестился в 1386 г. в Кракове <...> Память о нем хранит сооруженный в Вильне костел св. Михаила, имеется доска.

Сын Явнуллы Ян, литовский хорунжий, участвовал в войне Сигизмунда против Свидригайлы, отличился в битве под Вилькомиром и получил прозвище “Довгелес”, что значит “великомогучий”. <...> По женской линии известна дочь Яна <...> Балла Довгелло (начала XV века), замужем за Гастольдом»¹⁵.

Ранее мы ошибочно предположили, что записи Хлебникова на листах календаря — это конспект одного из вариантов семейного предания, услышанного им в ремизовском доме [Розанов: 328]. Публикация писем Ремизова к жене позволяет существенно уточнить происхождение хлебниковской записи. В письме от 31 мая 1909 г. писатель сообщает:

«Приходил В. Хлебников — это, который “слова сочиняет” <...> Для тебя он оставил листок: что узнал о роде Довгелл. Прилагаю. Может быть дополнением к вашему родословию»¹⁶.

Несомненно, что навести справки о родословной Серафимы Павловны Хлебников мог только в Императорской публичной библиотеке, в которой он, по свидетельству М. В. Матюшина, «работал целыми днями», забывая про еду¹⁷.

Особый интерес в плане личных отношений писателей представляют события лета 1909 г. 10 июня Хлебников уезжает к родственникам в Святошино, пригород Киева. В день отъезда он встречается с Ремизовым, который жалуется ему на усиливающиеся нападки критики и просит присылать вырезки из киевских газет с откликами на его произведения. Об этой просьбе в уважительно-шутливой форме Хлебников сообщает Каменскому:

«Глубокоуважаемый Ати Нежить Мохоелич просил меня прислать вырезки из киевских газет о его вещах, которые ему нужны» (Хлебников, 1940, 358).

Поэт, ожидая вечерний поезд на Царскосельском вокзале, пишет знаменитое письмо Вяч. Иванову с наброском поэмы «Зверинец». В письме есть приписка:

«Сегодня видел Ал. М. Ремизова. Его, кажется, заставляют грустить нападки печати» (Хлебников, 1940, 357–358).

Представляет интерес причина этих «нападков». В майской книжке «Русской мысли» за 1909 г. Ремизов напечатал очередную серию своих наиболее авангардных произведений — цикл из шестнадцати «снов» под названием «Бедовая доля». Расправа со стороны критики последовала незамедлительно. Уже 29 мая газета «Биржевые ведомости» поместила уничижительную рецензию А. А. Измайлова с издевательским заголовком «Не любо не слушай, а врать не мешай»:

«Сны Ремизова только дики. Смысла в них не отыскать с фонарем. Ни символа, ни даже аллегии. Если иногда он недурно ловит дикую психологию сна, то это еще не оправдание общего недоуменного чувства...»¹⁸.

Элемент эпатажа, столь ценимый футуристами, был также присущ Ремизову, правда, в более мягкой форме.

«Сонная» алогичность Ремизова, вероятно, оказала некоторое влияние на визионерскую поэтику Хлебникова. Первым

на это сходство обратил внимание в 1911 г. Н. С. Гумилев, анализируя хлебниковские стихи из «Садка судей»¹⁹. Это первая групповая книга «гилейцев», в которой были напечатаны три больших произведения Хлебникова: драма в стихах «Маркиза Дээес», «Зверинец» и первая часть поэмы «Журавль». Под «судьями» подразумевались сами участники футуристической группы.

«Садок судей», вызывающе напечатанный на обороте обоев, Ремизов получил в подарок несколько странным образом. Художник М. В. Матюшин уже в советские годы вспоминал:

«...книжка упала, как бомба в собрании мистиков у Вячеслава Иванова. Бурлюки проникли к ним очень благочестиво, Вячеслав Иванов их радушно принял. Затем эти “негодяи”, уходя от него, насовали всем присутствующим в пальто и шинели в каждый карман по “Садку”. Так получили книги я и Ремизов, Блок, Кузмин, Городецкий и все другие, бывшие с ними»²⁰.

Настоящий скандал разыгрался 16 июня, когда все в той же «Биржевке» появился фельетон «Писатель или списыватель?». Неизвестный автор, укрывшийся под псевдонимом «Мих. Мирон», сравнил ремизовские переработки народных сказок «Мышонок» и «Небо пало» с записями из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки». Поскольку сопоставляемые тексты на первый взгляд мало отличались, то и ответ на вопрос, помещенный в заголовке, был predetermined: «Господин Ремизов не писатель, а списыватель, Мышонок этот <...> оказался краденым» [Мирон: 6]. Это событие стало общероссийской сенсацией. Фельетон из «Биржевки» перепечатали или пересказали некоторые провинциальные издания, в том числе и газета «Киевская мысль» (номер от 19 июня). Заметка называлась «Плагииат Алексея Ремизова», речь в ней шла только о сказке «Мышонок», подписи не было. Эта газета и попала в руки Хлебникова. Его реакция, конкретная и эмоциональная, известна по письму поэту В. В. Каменскому от 8 августа 1909 г.:

«Но вот в “Киевской мысли” появляется перепечатка из «Биржевых ведомостей» под заглавием “Плагииат писателя”, где в тоне, за который бьют по морде, говорилось о якобы плагииате рассказа “Мышонок” в сборнике “Италия”. <...> На писателя падает,

как гром, обвинение грязного листка в плагиате, и писатели шарахаются, как бараны, от звука бича, а писатель смиренно чуть ли не в коленопреклоненной позе молит не бить по другой. Это же бесчестье! Это ли не бесчестье! Я не могу позволять тем, кому я дарю дружбу, безнаказанно давать себя оскорблять. Честь должна быть смыта. Если Алексей Михайлович не хочет гордо искать удовлетворения, то он должен позволить искать удовлетворения его друзьям. Мы должны выступить защитниками чести русского писателя, этого храма, взятого на откуп — как гайдамаки, — с оружием в руках и кровью. К черту третейские суды, здесь нужны хмель и иное пламя. Пусть Алексей Михайлович потребует удовлетворения от издателя газеты г. Проппера. Так как, вероятно, сам он не захочет, да его и не пустят друзья, то он должен дать право своим друзьям искать удовлетворения. <...> Пусть Алексей Михайлович помнит, что каждый из друзей гордо встанет у барьера защищать его честь и честь вообще русского писателя, как гайдамак вставал за право родины. *Но этот же знакомый может не подать руки, видя его отказывающимся от благородной услуги друга, сносящим пощечины* (курсив мой. — Ю. Р.). Итак, еще раз: я был бы гордым встать у барьера за честь Ал<ексея> М<ихайловича> и за честь вообще писателя. Об этом о всем, о чем я не мог написать Ал<ексею> М<ихайловичу>, я пишу вам, думая, что вы передадите ему многое из написанного» (Хлебников, 1940, 358–359).

У нас нет оснований сомневаться, что адресат ознакомил Ремизова с содержанием письма²¹. Данный эпизод в мемуарной литературе трактуется несколько односторонне. Близкий друг писателя Н. В. Резникова уже после его смерти писала:

«От Ал<ексея> М<ихайловича> я никогда не слышала об этом. Ради утверждения созданного им самим “образа” А. М. мог умалчивать о самоотверженных поступках по отношению к нему»²².

Собственно «самоотверженного поступка», т. е. дуэли, не было, да и не могло быть. Во-первых, отсутствовал объект для вызова. Газетный магнат С. М. Проппер, владелец «Биржевых ведомостей», «Огонька», «Нового слова» и «Новой иллюстрации», не мог отвечать за все материалы, печатавшиеся в его изданиях. Кто был автором злополучной статьи, так и осталось тайной. В ремизовском окружении считали, что фельетон

написал А. А. Измайлов, постоянный литературный обозреватель «Биржевки», но тот решительно опровергал обвинения и, в свою очередь, подозревал К. И. Чуковского. Вполне возможно, что обвинения против Измайлова как-то повлияли на пассаж в хлебниковской статье «Мы и дома»: «...современные площади, грязные как душа Измайлова»²³. Печатные выступления критика против футуристов сами по себе вряд ли могли вызвать такое сильное оскорбление. Во-вторых, вся эта история с предполагаемым вызовом вполне вписывается в дуэльный дискурс писем Хлебникова 1909 года, полушутливый и ироничный. Раздосадованный тем, что не застал дома М. А. Кузмина, Хлебников пишет:

«Я сижу, кусаю губы и не знаю, что мне делать: разделить ли поровну свои богатства между уксусной эссенцией и бумагой для последнего письма, или же послать кому-то грозный вызов...» (Хлебников, т. 5; 288).

Или в новогоднем письме родственникам:

«В этом полугодии я столько раз собирался драться на дуэли, сколько в нем месяцев» (Хлебников, т. 5; 289).

В любом случае намерение Хлебникова по-своему логично: в нем сочетаются характерные для авангарда мотивы бунтарства и агрессии с «неославянофильством», которое на тот момент поэт ассоциировал с творчеством Ремизова.

В приведенном выше отрывке из письма Хлебникова Каменскому интересна и другая сторона — едва закамуфлированная угроза Ремизову, по сути дела ультиматум. Если Ремизов не вызовет обидчика на дуэль (что еще великодушно допускалось Хлебниковым) или не делегирует это право кому-либо из друзей, то он опозорит не только свою честь, но и «честь русского писателя вообще». Ремизов в силу особенностей характера, общего здравого смысла и своего понимания ситуации предпочел не раздувать скандал. Осенью 1909 г. он опубликовал в газете «Русские ведомости» и в журнале «Золотое руно» открытое письмо, в котором объяснил сходство собственных сказок с текстами из сборника Ончукова особенностями своей работы с фольклором²⁴. Нет сомнения, что воинственно настроенный Хлебников расценил оправдательное

письмо Ремизова как трусость и пораженчество. Это стало началом охлаждения отношений между писателями, которое через два-три года переросло во вражду — по крайней мере, со стороны Хлебникова. Недовольство Ремизовым по времени почти совпало с общим разочарованием Хлебникова в элитарной «башенной» культуре (салон Вяч. Иванова, «Академия стиха», «Общество ревнителей художественного слова», редакция журнала «Аполлон») или, скорее всего, явилось частью этого процесса [Шишкин: 157].

Разочарование Хлебникова имело свою специфику. Поэт в трех текстах описал душную атмосферу салонов, в которой он ощущал себя «как камень в дубовом зажатый комле»: это поэмы «Передо мной варился вар» (Хлебников, 1940, 197–201), «Карамора № 2-ой» (Хлебников, 1940, 202–204) и «сатира» «Петербургский “Аполлон”» (Хлебников, т. 2; 80–82). В этих произведениях упомянуты около десятка деятелей культуры (частью под своими именами, частью под прозрачными прозвищами), главный «грех» которых состоит в их прозападной культурной ориентации: «И похотливо тянут гроб Верлена...», презрев «русского Баяна» (Хлебников, т. 2; 81–82). Ремизова среди них нет, поскольку обвинить писателя в отсутствии патриотизма было невозможно. Правда, бывший ученик не удержался от колкости в сторону учителя, вскользь намекнув на скандал с плагиатом:

«...Моя муза больше промышляла извозом
Из западных скитальцев на восток
И ее никто не изобличил в почтенном занятии вора»
(Хлебников, 1940, 198).

В мемуарах Ремизов с грустью писал о неблагодарности бывших учеников: «...у нас бывали всегда “начинающие” или такие, у которых не ладилось в жизни, но когда выходили в люди и устраивались, опять понемногу-понемногу и пропадали» (Ремизов, 74). Среди таких «пропавших» оказался и Хлебников; правда, об его «устройстве» в жизни и в литературе говорить следует с большой осторожностью. В феврале 1910 г. Каменский знакомит Хлебникова с Д. Д. Бурлюком — начинается русский футуризм. Новые друзья поэта не одобряли его общения со

«стариками». Бурлюк, например, понимал ситуацию таким образом:

«Хлебников, смелый в своих рукописях, легко поддавался влияниям со стороны и вечно хотел быть одобренным “великими” <...> Он вечно посещал то Мережковского, то Ремизова, то В. Иванова, но отношение встречал там высокомерное, символистам он казался “нечетким”, непричесанным...» [Бурлюк, 1985: 96].

Первые грубые высказывания Хлебникова о Ремизове встречаются в статье 1912 г. «Учитель и ученик». Старший писатель упомянут в перечне авторов (Арцыбашев, Мережковский, Андреев, Куприн и Сологуб), которые утверждают, что «в нашей жизни есть ужас», и в этом смысле их творчество противопоставляется «народной песне», оптимистичной по своей сути. Отметим, что из всего списка писателей Хлебников оскорбляет только Ремизова, делая напротив его фамилии помету «насекомое» (*Хлебников* т. 5; 179). В этой же статье имя Ремизова встречается и в другом списке — писателей-обличителей: А. Толстой «уличает» дворянство, Куприн — военных, Салтыков-Щедрин — чиновничество, Островский — купечество, Бунин — крестьянство. Как видим, у русских писателей вполне серьезные и достойные социальные объекты для критического изображения в своих произведениях. Ремизов же, по издевательскому мнению Хлебникова, обличает «молодых сапожников». Эти «молодые сапожники» всплыли в феноменальной памяти поэта все из тех же домашних разговоров у Ремизовых. В 1900 г. Ремизов отбывал ссылку на севере, в уездном городке Вологодской губернии Усть-Сысольске. Его соседями по комнате были сапожники из Вильно — паны Ян и Анжей, сосланные в глухой зырянский край за какие-то политические провинности. От вынужденного безделья сапожники запили, и отношения между соседями испортились. Писатель упоминает сапожников в позднейшей мемуарной книге «Иверень»²⁵.

Ремизов на подобные выпады не отвечает, по крайней мере, никогда не переходит к личным оскорблениям. Если он и дает оценки группе кубофутуристов, то опосредованно, через исторические и мифологические образы и аналогии. Так, по

воспоминаниям Д. Бурлюка, Ремизов назвал их «опричиной русской литературы» и «песьеголовцами», что даже льстило агрессивным настроенным авторам. При этом Ремизов продолжает общаться со многими футуристами, после знаменитой «треугольной» выставки он печатает свои рисунки в совместном сборнике символистов и футуристов «Стрелец» (1915). Обида на бывшего ученика (если она и была) отразилась лишь в глубоком подтексте повести «Крестовые сестры» (1910). Плотников, один из второстепенных героев повести, некоторыми своими чертами и идеями в пародийном плане, как убедительно показал А. А. Данилевский, соотнесен с Хлебниковым [Данилевский: 385–390].

В годы эмиграции интерес Ремизова к личности и творчеству Хлебникова, отразившийся в мемуарных текстах писателя, во многом поддерживался филологами и литераторами из ремизовского окружения. В 1920–1930-е гг. это князь Д. П. Святополк-Мирский. Восторгаясь тем фактом, что «лучшие молодые филологи» — Р. Якобсон, Г. Винокур и Б. Ларин — стали «главными проводниками приятия Хлебникова», князь соглашается с Винокуром в том, что оценка поэта «как великого ворошителя и обновителя языка преувеличена — Белый, Ремизов, Маяковский, Цветаева — все не менее плодотворные работники в этой области, чем Хлебников» [Святополк-Мирский, 1928: 145]. Статью, написанную к пятилетию смерти Хлебникова, Святополк-Мирский напечатал в своем парижском журнале «Версты», выходившем, как было указано на обложке, «при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Заслуги Ремизова и Хлебникова в «лингвистическом творчестве и делатинизации языка» отмечены Мирским и в его фундаментальной «Истории русской литературы», создававшейся в 1920-е гг. [Святополк-Мирский, 2005: 852].

После Второй мировой войны поддерживал интерес к личности и творчеству Хлебникова В. Ф. Марков, работавший в США над диссертацией о футуризме. Ученый обращался за справками и советами ко многим еще живым участникам литературной жизни русского Серебряного века, в том числе и к Ремизову, и получал много ценной информации. Но случались и анекдотические ошибки. В ранней «пасторальной»

поэме Хлебникова «Сельская очарованность» (1911–1912) есть такие строки:

«Синеет лог, чернеет лес.
В ресницах бог,
А в ребрах бес.
И паутины хчая,
И летних мошек толчая» (Хлебников, т. 2, 208).

Марков предположил, что непонятное слово *хчая* — окказионализм, образованный от какого-то древнего славянского или диалектного корня. Исследователь обратился за разъяснениями к Ремизову, который дал свои любопытные соображения по этому поводу:

«“Хчая” от “хочет”, как плачя от плакать восприятые от [нрзбрч]26 можно произвести и от “ходить” — ходчая = хчая как толчая <...> Не могу проверить и некому»28.

Марков со ссылкой на писателя привел ремизовскую справку в своей книге о поэмах Хлебникова. Вскоре, однако, выяснилось, что это обычная опечатка, попавшая в советский пятитомник 1928–1933 гг. из первого издания поэмы в сборнике «Стрелец» в 1915 г. «Подобно рифмующей паре, — писал Н. И. Харджиев, — эта строка написана каноническим четырехударным ямбом. Привожу правильное чтение, подсказываемое размером:

И паутины ячая,
И летних мошек толчая» [Харджиев, 2006: 538].

В плане историко-литературных оценок нельзя обойти и еще один момент, сближающий Ремизова и Хлебникова. Георгий Иванов в недатированном письме В. Ф. Маркову (время переписки — 1955–1958 гг.) пояснял свое многолетнее увлечение произведениями Ремизова: «Ремизова, м<жду> пр<очим>, я непритворно люблю и всегда любил. Это, в каком-то смысле, с молодости был мой “Хлебников” — что-то, чем и за что стоит бить морду всяческим академиям» [Тулон...: 267]. Дело в том, что Ремизов уже после первых своих книг стал восприниматься критиками, а потом и историками литературы как «писатель для писателей». Еще в 1915 г. Д. В. Философов

в рецензии на сборник Ремизова «Весеннее порошье» писал: «Но если публика все еще не ценит по-настоящему этого замечательного писателя, то братья-писатели давно оценили его по достоинству. Многие из них <...> “без указания источника” обильно черпают своим ковшом живую воду Ремизова» [Д. Ф. (Философов Д.): 20]. Позже критик Н. И. Ульянов опишет эту ситуацию в экономических категориях: «Ремизов <...> народные говоры и допетровскую письменность превратил в колонию, в источник сырья для футуристической промышленности» (цит. по: [Гаспаров: 303]).

Даже после эмиграции писателя в 1921 г., когда его имя можно было упоминать в советской печати лишь в негативном плане, такая трактовка ремизовского творчества некоторое время сохранялась. В 1924 г. И. Лежнев, ритуально упрекнув Ремизова в том, что он не пережил «обсеменения революцией», писал, раскрывая метафору «лаборатория писателя»: «Ему сиднем сидеть в лаборатории, ибо он писатель для писателя (читателю здесь делать нечего). Он — лаборант искусства, заготавливающий разное для разных. Расставлены полочки. На полочках скляночки, и разные в них настои. Каждому писателю малая толика того или иного пригодится» [Лежнев: 194]. Хорошо известно, что были широко распространены аналогичные оценки Хлебникова как «поэта для поэтов».

В 1950-е гг., когда историки литературы заговорили о русском литературном ренессансе конца XIX — начала XX века, Ремизов, уточняя эту мысль, выделил два аспекта этого явления. Во-первых, объектом «возрождения» была литература 1820–1830-х гг., «символисты под знаком Пушкина». Другим «возрожденным» стилем писатель называл орнаментализм, не забывая и о своем вкладе в этот процесс: «Словоплетение: Епифаний Премудрый. О таком ренессансе можно говорить смело. Андрей Белый, Хлебников, Маяковский, примите и меня в эту словесную компанию. Пастернак и Тынянов тоже» (цит. по: [Кодрянская: 301–302]). Так незадолго до смерти в письме к ученице и душеприказчице Ремизов определил свое место в русской литературе рядом с Хлебниковым.

Такое заявление писателя, давно оторванного от родины, можно было бы оценить как проявление чрезмерного возрастного субъективизма и завышенной самооценки, сформировавшейся в эмигрантской среде, но, скорее всего, оно имеет

типологический, «поколенческий» характер. Знаменательно, что примерно в эти же годы об итогах Серебряного века по другую сторону «железного занавеса» размышлял М. М. Пришвин. Получив известие о смерти Вяч. Шишкова, он записал в дневнике: «Вымирает гнездо писателей школы Ремизова. Это было в то время, когда уже прискучил декадентский звон прославления в лице своем сверхчеловека, и стало зарождаться движение, теперь можно назвать его своим именем: движение патриотическое. <...> Скандал в Аполлоне. Обезьянья палата, как насмешка над декадентами. Маяковский, Каляев, Ремизов, Толстой, Замятин, Шишков, Пришвин, Хлебников»²⁸.

Примечания

- ¹ Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. Москва: Русская книга, 2002. Т. 7: Ахру. С. 89. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора и страницы в круглых скобках.
- ² Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, [1933]. С. 51.
- ³ Письма В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину / публ. А. В. Лаврова // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 275.
- ⁴ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 44.
- ⁵ Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / публ. В. Ф. Маркова // Wiener slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 431.
- ⁶ Ibid. S. 438.
- ⁷ Хлебников В. Неизданные произведения. М.: Худож. лит., 1940. С. 355. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора, года издания и страницы в круглых скобках.
- ⁸ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 214.
- ⁹ Иванов-Разумник [Р. В.] Творчество и критика. Статьи критические: 1908–1922. Петербург: Колос, 1922. С. 228.
- ¹⁰ На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатиной // Русская литература. 2015. № 3. С. 185.
- ¹¹ Хлебников В. Собрание произведений: [в 5 т.] Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. Т. 5. С. 290. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора, тома и страницы в круглых скобках.
- ¹² Символ // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 29-А. С. 918.
- ¹³ Алексей Ремизов. Новые материалы / вступ. заметка и публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы / отв. ред. А. М. Грачева.

- СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 222.
- ¹⁴ Символ... С. 917.
- ¹⁵ Ремизов А. М. В розовом блеске: автобиографическое повествование: роман. М.: Современник, 1990. С. 713, 715.
- ¹⁶ На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год. (Окончание) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2016. № 2. С. 169.
- ¹⁷ Матюшин М. Русские кубо-футуристы // К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976. С. 141–142.
- ¹⁸ Аякс [Измайлов А. А.] Не любо не слушай, а врать не мешай // Биржевые ведомости. 1909. 29 мая. Вечерний выпуск. № 11130. С. 3.
- ¹⁹ Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 120.
- ²⁰ Матюшин М. В. Наши первые диспуты // Литературный Ленинград. 1934. 20 октября. № 53 (75). С. 4.
- ²¹ Отношения Ремизова с Каменским всегда были дружескими, о чем свидетельствуют, в частности, инскрипты Каменского на книге «Степан Разин» (М., 1916): «Славному на Руси мастеру-сочинителю Алексею Михайловичу Ремизову сердечно автор»; «Ясноглубиной Серафиме Павловне <Ремизовой> от сердца утреннего автор. (Жду летом в гости на Каменку)» [Книги М. С. Лесмана: 105].
- ²² Резникова Н. А. М. Ремизов о себе // Дальние берега: портреты писателей эмиграции: мемуары. М.: Республика, 1994. С. 91.
- ²³ Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 599.
- ²⁴ См.: Ремизов А. Письмо в редакцию // Золотое руно. 1909. № 7–9. С. 145–148.
- ²⁵ Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 403–404, 413, 415.
- ²⁶ Как отмечает публикатор, «довольно ясно стоит слово “непоседы”, написанное через ять (что несвойственно А. М., обычно писавшему по новой орфографии) — но это не дает смысла» (Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. С. 444.)
- ²⁷ Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову. С. 433.
- ²⁸ Пришвин М. М. Дневники; 1944–1945. М.: Новый Хронограф, 2013. С. 452.

Список литературы

1. Баран Х. К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. — М.: Прогресс, 1993. — С. 191–210.
2. Баран Х. Заметки о Хлебникове: (3–7) // Язык как творчество: сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. — М.: Институт русского языка РАН, 1996. — С. 7–17.
3. Бурлюк Д. Воспоминания футуриста // Творчество. — 1920. — № 1. — С. 12–15.

4. Бурлюк Д. О Хлебникове / публ. А. Парниса // Литературное обозрение. — 1985. — № 12. — С. 95–96.
5. Винокур Г. О. Хлебников. Вне времени и пространства // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования: 1911–1998. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 206–210.
6. Гаспаров М. Л. Записки и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 416 с.
7. Грачева А. М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (статья первая. Судьба ремизовского «Музея игрушек») // Русская литература. — 1997. — № 1. — С. 185–215.
8. Гурьянова Н. Ремизов и «бюджетляне» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. — С. 142–150.
9. Данилевский А. А. Велимир Хлебников в «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования: 1911–1998. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 385–390.
10. Д. Ф. [Философов Д.] Весеннее порошье // Голос жизни. — 1915. — 6 января. — № 2. — С. 20.
11. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: аннотированный каталог. Публикации. — М.: Книга, 1989. — 464 с.
12. Кодрянская Н. В. Алексей Ремизов. — Париж: [б. и.], 1959. — 328 с.
13. Лежнев И. Где же новая литература? // Россия. — 1924. — № 1. — С. 189–196.
14. Миrows М. Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. — 1909. — 16 июня. Вечерний выпуск. — № 11160. — С. 5–6.
15. На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия // Europa Orientalis. — 1990. — № 9. — С. 443–498.
16. Обатнина Е. Р. [Вступительная статья]. На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год // Русская литература. — 2015. — № 3. — С. 166–168.
17. Розанов Ю. В. «Нас соединяло слово...»: Хлебников и Ремизов // Стих. Проза. Поэтика: сб. ст. в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. — New York: Ailuros Publishing, 2012. — С. 325–332.
18. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. — Новосибирск: Свинья и сыновья, 2005. — 964 с.
19. Святополк-Мирский Д. Хлебников (ум. 1922) // Версты. — 1928. — № 3. — С. 144–146.
20. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века. Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». — Trento, 1990. — 328 с.
21. Тулон... Тамань... Туман. (Письмо Георгия Иванова Владимиру Маркову) / публ. А. Арьева // Минувшее: исторический альманах. — М.: СПб.: Феникс; Atheneum, 1996. — Вып. 19. — С. 254–272.
22. Харджиев Н. Статьи об авангарде: в 2 т. — М.: РА, 1997. — Т. 2. — 320 с. (сер.: Архив русского авангарда)
23. Харджиев Н. От Маяковского до Кручёных: избранные работы о русском

футуризм. — М.: Гилея, 2006. — 557 с.

24. Шишкин А. Велимир Хлебников на «башне» Вяч. Иванова // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 17. — С. 141–167.

Yuriy V. Rozanov

(Vologda, Russian Federation)

rosanov007@gmail.com

Velimir Khlebnikov and Alexei Remizov: Biographic and Creative Ties

Abstract. The article studies personal and creative relations as well as mutual opinions of A. M. Remizov (1877–1957) and V. V. Khlebnikov (1885–1922), mainly by the elder writer. Remizov became the first writer-symbolist Khlebnikov got acquainted with in 1908 after his arrival in Saint Petersburg. In the context of personal relations the article presents and interprets a number of facts testifying about close ties established between the writers in the period from autumn 1908 to January 1910, when Khlebnikov considered Remizov his elder friend and teacher. Khlebnikov's attitude became especially clear during the so called "Remizov's plagiarism case", when the poet was ready to challenge to a duel the insulter of his friend. But the thing that really brought them together was their interest for East Slavic mythology and archaic layers of the Russian language. The involvement of Khlebnikov in the movement of futurists and his aggressive position towards the symbolists led to the altercation with Remizov that, however, did not influence their common creative focus on the search for a "Russian style". During the years of emigration Remizov's interest for the personality and work of Khlebnikov manifested in the memoirs of the writer, was to a great extent maintained by philologists and men of letters of the Russian expatriate community, among them D. P. Svyatolpolk-Mirsky and particularly, V. F. Markov who was working on the history of the Russian literary avant-garde. The article comes to some preliminary conclusions about a common edifying role of Remizov and Khlebnikov in the literary process ("writers for writers") and the belonging of both of them to a "patriotic movement" in the literature of Russian modernism of the first third of the 20th century.

Keywords: A. M. Remizov, V. V. Khlebnikov, symbolism, futurism, the avant-garde art, "Russian style", neo-slavophilism, literary impacts, East-Slavic mythology and folklore, "writer for writers"

About the author: *Rozanov Yuriy V.* — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University (ul. Lenina 15, Vologda, 160000, Russian Federation)

Received: April 20, 2019

Date of publication: September 9, 2019

For citation: Rozanov Yu. V. Velimir Khlebnikov and Alexei Remizov: Biographic and Creative Ties. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 258–279. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6221 (In Russ.)

References

1. Baran Kh. On the Typology of Russian Modernism: Ivanov, Remizov, Khlebnikov. In: *Baran Kh. Poetika russkoy literatury nachala XX veka* [*Baran H. The Poetics of Russian Literature of the Early 20th Century*]. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 191–210. (In Russ.)
2. Baran Kh. Notes about Khlebnikov: (3–7). In: *Yazyk kak tvorchestvo: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu V. P. Grigor'eva* [*The Language as an Art: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of V. P. Grigoriev*]. Moscow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 1996, pp. 7–17. (In Russ.)
3. Burlyuk D. The Memoirs of a Futurist. In: *Tvorchestvo, 1920*, no. 1, pp. 12–15. (In Russ.)
4. Burlyuk D. About Khlebnikov. In: *Literaturnoe obozrenie*, 1985, no. 12, pp. 95–96. (In Russ.)
5. Vinokur G. O. Khlebnikov. Beyond Time and Space. In: *Mir Velimira Khlebnikova. Stat'i i issledovaniya: 1911–1998* [*World of Velimir Khlebnikov: Articles and Studies: 1911–1998*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 206–210. (In Russ.)
6. Gasparov M. L. *Zapiski i vypiski* [*Notes and Excerpts*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
7. Gracheva A. M. Alexei Remizov and the Pushkin House: (Article One. The Destiny of the Remizov “Museum of Toys”). In: *Russkaya literatura*, 1997, no. 1, pp. 185–215. (In Russ.)
8. Gur'yanova N. Remizov and the “budetyane”. In: *Aleksey Remizov. Issledovaniya i materialy* [*Alexei Remizov: Researches and Materials*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1994, pp. 142–150. (In Russ.)
9. Danilevskiy A. A. Velimir Khlebnikov in “The Sisters of the Cross” by A. M. Remizov. In: *Mir Velimira Khlebnikova. Stat'i i issledovaniya: 1911–1998* [*The World Of Velimir Khlebnikov. Articles and Researches: 1911–1998*]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 385–390. (In Russ.)
10. D. F. <Filosofov D.> A Spring Snow. In: *Golos zhizni*, 1915, 6 January, no. 2, p. 20. (In Russ.)
11. *Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: annotirovannyi katalog. Publikatsii* [*Books and Manuscripts in the Collection of M. S. Lesman: Annotated Catalog. Published Works*]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 464 p. (In Russ.)
12. Kodryanskaya N. V. *Alexei Remizov*. Paris, 1959. 328 p. (In Russ.)
13. Lezhnev I. Where is the New Literature? In: *Rossiya*, 1924, no. 1, pp. 189–196. (In Russ.)
14. Mirov M. A Writer or a Copyist? (A Letter to the Editor). In: *Birzhevye vedomosti*, 1909, 16 June, no. 11160, pp. 5–6. (In Russ.)
15. At Sunset. Correspondence Between A. Remizov and S. Remizova-Dovgello. In: *Europa Orientalis*, 1990, no. 9, pp. 443–498. (In Russ.)
16. Obatnina E. R. The Introductory Article. At Sunset. Letters of A. Remizov to S. Remizova-Dovgello: 1909. In: *Russkaya literatura*, 2015, no. 3, pp. 166–168. (In Russ.)

17. Rozanov Yu. V. "We Were United by the Word...": Khlebnikov and Remizov. In: *Stikh. Proza. Poetika: sbornik statey v chest' 60-letiya Yu. B. Orlitskogo* [Verses. Prose. Poetics: Collection of Articles on the Occasion of the 60th Anniversary of Yu. B. Orlitsky]. New York, Ailuros Publishing Publ., 2012, pp. 325–332. (In Russ.)
18. Svyatopolk-Mirskiy D. *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god* [A History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya Publ., 2005. 964 p. (In Russ.)
19. Svyatopolk-Mirskiy D. Khlebnikov (died 1922). In: *Versty*, 1928, no. 3, pp. 144–146. (In Russ.)
20. Toporov V. N. *Neomifologizm v russkoy literature nachala XX veka. Roman A. A. Kondrat'eva «Na beregakh Yaryni»* [Neo-mythologism in Russian Literature at the Beginning of the Century. Novel by A. A. Kondratiev "On the Banks of the Yaryn"]. Trento, 1990. 328 p. (In Russ.)
21. Toulon... Taman... The Fog. (A Letter by Georgy Ivanov to Vladimir Markov). In: *Minuvshee: istoricheskiy al'manakh* [The Past: a Historical Almanac]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1996, issue 19, pp. 254–272. (In Russ.)
22. Khardzhiev N. *Stat'i ob avangarde: v 2 tomakh* [The Articles About the Avantgarde: in 2 Vols]. Moscow, RA Publ., 1997, vol. 2. 320 p. (In Russ.)
23. Khardzhiev N. *Ot Mayakovskogo do Kruchenykh: izbrannye raboty o russkom futurizme* [From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism]. Moscow, Gileya Publ., 2006. 557 p. (In Russ.)
24. Shishkin A. Velimir Khlebnikov on the "Tower" of Vyach. Ivanov. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1996, no. 17, pp. 141–167. (In Russ.)